

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Я ОТ
НЕЁ...

...ЗАВИСИМ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БЕРЕМЕННА ОТ МУЖА-ТИРАНА

ВИКТОРИЯ ВИШНЕВСКАЯ

Виктория Вишневская

Беременна от мужа-тирана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69898657

SelfPub; 2023

Аннотация

– Раз ты не можешь забеременеть, – холодно кидает муж, даже не глядя на меня. – Я решил, что это сделает суррогатная мать.– Я не могу, – срывается с губ. – Это будет чужой для меня ребёнок от незнакомой женщины!– Почему незнакомой? Через несколько месяцев она переедет сюда. Познакомитесь.– Ты привезёшь сюда какую-то девушку, в которую засунут твой биоматериал, и я должна буду жить с ней под одной крышей в ожидании чужого малыша? – на секунду срываюсь и повышаю голос.– Это будет наш наследник, – Мирон поднимает на меня предупреждающий взгляд. – Его будешь воспитывать и растить ты. Я уже всё решил. Ребёнка нам родят. А ты по-прежнему будешь самой любимой и послушной женой.***Мой муж никогда не изменял мне. Не унижал, не бил и не делал больно до тех пор... Пока не сказал, что приведёт в наш дом суррогатную мать, которая должна родить нам ребёнка.Его ребёнка.

Виктория Вишневская

Беременна от мужа-тирана

Глава 1

– Савельева!

Услышав свою фамилию, резко оборачиваюсь. По пустому коридору второго этажа быстрым и широким шагом идёт доктор Иванов, дежурный на сегодняшней ночной смене. Взволнованный, запыхавшийся.

Напрягаюсь, отрываясь от заполнения бумаг. И радуюсь. Ненавижу бумажную волокиту! А обход только утром. Ночью вообще скука полная – никому помощь медсестры не нужна. Только если пациенту плохо не станет.

Сергей Александрович останавливается возле стойки и тяжело дышит.

– Поступление, – передаёт мне два заполненных листа. Значит, в приёмном отделении пациент уже был, и помощь ему оказали. Ску-ка. – Лежит в десятой вип-палате.

Ого... К нам редко такие поступают, особенно ночью.

Мельком смотрю на бумажку с первичным осмотром. Причина попадания в наш больничный комплекс – авария.

Теперь понятно.

– Опять какой-то угашенный в хлам мажор?

– Смешно слышать это от богатой девочки, – Сергей Александрович чуть расслабляется, улыбаясь.

Опять он за своё. Меня когда-нибудь перестанут тыкать в это и смеяться? И ведь этот человек знает мою ситуацию, но всё равно шутит.

Видит мой гневный взгляд. И тут же извиняется:

– Прости.

Мигом становится серьёзным.

– Но нет, не мажор. Один бизнесмен. Важная шишка, поэтому за ним следишь ты. Капельница, утка, обработка ран, помощь в переодевании. Сама знаешь всё, короче. Временно становишься его личной сиделкой. Может, нам что перепадёт после его выздоровления.

Кривлюсь от такой честности.

Ну да, он и заплатить хорошо может. На деньги государства не выживешь. Спонсирование – лучший способ.

– Хорошо, – уже отношусь к этому мужику брезгливо. Мне же теперь перед ним верной собачкой скакать.

– Ну, и я отблагодарю. Замолвлю словечко перед главным врачом. Может, он с твоим отцом поговорит.

В секунду расстраиваюсь, услышав слова об отце. У меня недавно был с ним неприятный разговор.

Если коротко, то звучало это примерно так: «Бросай свою ерунду. Скоро ты выходишь замуж за левого типа, и там ты работать уже не будешь. Позорно это».

– Давайте не будем, – настроение падает до нуля, и я уже жалею, что у меня появилась работа. Сидела бы и дальше заполняла бумажки. А тут Иванов. Всё настроение испортил. –

Ладно, я пойду.

– Он сейчас спит, отходит. Капельницу ему поставь.

– Хорошо, – киваю, огибаю начальника и направляюсь вниз, на первый этаж, в самые дебри, где царит тишина, покой, и находятся необходимые vip-палаты. Там всё сделано для элиты. Окно открыл – и вот тебе перед глазами парк. А некоторым до него десять этажей вниз ехать в заполненном лифте...

Добираюсь до места, по пути изучая предварительный анамнез.

Нехило он в аварию попал... Ещё и трезвый.

Интересно, он виновник? Ладно, всё равно, лучше не знать такую информацию.

Захожу в палату, откладывая документы на тумбочку. Подхожу к медицинской кровати, проверяю на устойчивость. Чисто машинально, по привычке. Недавно одна такая развалилась, благо без пациента, и я стараюсь проверять.

Поправляю одеяло, невольно скользнув пальцами по спящему и безмятежному лицу. Грудную клетку в мгновение сдавливает, лишая кислорода. И через секунду отпускает. От жадности вбираю больше воздуха, продолжая сверлить выразительные черты взглядом.

Обновление

Красивый...

Волевой подбородок, скрывающийся за брутальной щетиной с серебристыми волосками. В меру тонкие, чётко очер-

ченные губы. Прямой и чуть вытянутый нос. Не пушистые, но длинные русые ресницы. На секунду кажется, что вот-вот глаза откроются.

Интересно, какого цвета у него глаза?

Ему бы идеально подошли серые...

В голове появляется мужественный, со сталью, взгляд. И дрожь скачет по позвоночнику, отдавая где-то под ложечкой.

Сколько ему лет? Сорок? Или меньше?

Не контролирую свою ладонь. Она сама тянется к острым скулам.

Сердце бьётся сильнее с каждым пройденным сантиметром.

Остаётся каких-то десять сантиметров, как замечаю сведённые к переносице брови.

Пациент открывает глаза, и я сглатываю, не угадав.

Они у него двухцветные, серо-карие. Залипаю, ловлю на себе взгляд, но всё равно не отодвигаюсь, нависнув над мужчиной.

Неожиданная хватка на моём запястье останавливает мою заледеневшую от волнения ладонь.

– Ты что делаешь? – хриплый, вибрирующий голос вгоняет в ступор.

Он же должен был спать...

– Хотела поставить капельницу, – выпаливаю первое, что приходит в голову. Я ведь за этим сюда и пришла!

Внимательно смотрит мне в глаза. Изучает лицо. Скользит

ниже, на мой обычный розовый костюм – брюки и рубашку, будто проверяя, кто я такая.

И тут же хочется прикрыться. Я вроде одетая, но ощущаю себя обнажённой.

– И для этого надо трогать моё лицо? – выдержав какую-то минуту, не шевелясь, спокойно произносит, накаляя обстановку своим ледяным взглядом.

Что-то он не похож на человека, который вечером попал в аварию, сломал рёбра и ударился головой, отчего теперь и напоминает мумию в бинтах. Очень разговорчивый. Неужели уже отошёл, пока лежал в приёмке?

– Я измеряла температуру, – выпрямляюсь, отводя смущённо взгляд. Немного неловко. Я поступила неправильно. Рассматривала и трогала пациента. Но такого красивого... И голос у него оказался таким приятным, что хочется услышать ещё.

Странная реакция.

Впервые такое захватывающее чувство... предвкушения?

Сердце барабанит, как дождь по стёклам. Так же быстро, беспощадно и неконтролируемо.

Щёки начинают гореть, и ощущение, что становятся такого же цвета, как и мой костюм. Благо в палате полутьма, и только светильник тускло освещает просторную комнату.

– Градусники уже не используют в современной медицине? – отчего-то усмехается, явно издеваясь надо мной. И тепло разливается внизу живота...

Да что за реакция такая?!

Не шевелюсь, молчу, смотря куда-то в сторону и делая вид, что меня здесь нет. Мне нечего сказать, а начну защищаться – закопаю себя ещё глубже.

– Я... – начинаю, вдруг почувствовав сухость во рту, – не буду перед вами отчитываться.

*

Книга, где Мирон появился впервые, и играет важную роль в сюжете :)) – Опасная беременность. Девочка Басманова.

Аннотация:

– Мужик, твоя телка? – спрашивает у водителя, указывая на меня подбородком и не сводя пристального взгляда.

Ничего не понимаю...

– Д-да, – вдруг мямлит тот, держась за челюсть. – М-моя. Вы скажите, она всё сделает... Только меня больше не бейте!

– Стойте, – испуганно лепечу. Что он несет?! – Я его не...

– Ильяс, – опять грозный голос заставляет застыть. – Девчонку в машину. Отвезёшь ко мне. Я приеду, сам решу, как возмещать ущерб будет.

Глава 2

Тишина повисает в комнате, а мужчина никак не отвечает на мои слова. Но руку не отпускает. Продолжает стискивать пальцами. А в какую-то секунду ощущаю, как он поглаживает моё запястье.

Опускаю взгляд вниз. И тут же ощущаю, как наглец притя-

гивает меня к себе. Не успеваю податься вперёд, но и падать на него не собираюсь: два сломанных ребра – это не шутки.

Вовремя выставив руку вперёд, упираюсь ею прямо между его шеей и плечом. Волосы, собранные в длинный конский хвост, свисают с моего плеча, закрывая нас от света из окна и создавая тень на лице мужчины.

– Вы что себе позволяете? – вырывается, несмотря на то что мне нужно быть с ним милой.

Опять молчит, одаривая меня взглядом серых глаз.

– Точно, у вас же сотрясение... – пытаюсь его подковырнуть.

Непрошибаемый. Пялится – и всё.

Не понимаю я его.

Он же ничего мне не сделает?

Такой опыт у меня впервые. Я вообще только недавно закончила медицинский, с трудом, в тайне, поскольку отец заставил идти в юриспруденцию. И практики у меня мало – я всего лишь медицинская сестра, делающая уколы, перевязки и ухаживающая за больными.

А тут...

Я не знаю, как реагировать. Но жутко страшно, несмотря на то что он мне ничего не сделал. И отторжения нет. Наоборот, все органы скручивает.

Захватывающее чувство.

Почему? Не понимаю.

Пугать должен. И делает это, но необычно. По-другому.

Это страх перед неизвестностью.

– Кому-нибудь из моей семьи сообщили, что я здесь? – голос прорезает тишину, и я вздрагиваю.

– Нет, в бланках написано, что родственники извещены не были...

Обязательно ему разговаривать именно так?

Взгляд врезается в его губы. И тут же летит вверх, к его глазам. Он же всё видел!

– Мне... как раз нужно будет узнать контакты ваших родных и сообщить, что вы здесь.

– Нет, – жестко, холодно и бескомпромиссно выдаёт.

Внутри всё леденеет. Даже резинка у меня на волосах не выдерживает, спускаясь по волосам. Они у меня густые, тяжёлые, неудивительно, что в такой позе причёска распустилась, и тёмные локоны ложатся рядом с его лицом.

– Никому сообщать не нужно, – опять доносится из глубин его горла.

Мамочки... Какой же у него глубокий, хриплый голос.

Хочется обмякнуть на мужчине, но я быстро прогоняю эту навязчивую мысль.

Что вообще происходит в моей голове?

– Я вас поняла. Отпустите? Мне нужно поставить капельницу.

Не очень удобная поза для разговора.

И снова эта тишина.

Высвобождаюсь аккуратно.

А его свободная ладонь вдруг поднимается, пальцами проникая в мои волосы.

Так и хочется спросить, что он творит?

– Капельницу? – говорит так, будто высмеивает это слово. Ладонь уже плотно закапывается в причёску, а пальцы давят на затылок. – Секс – лучшее лекарство от любой болезни.

Он надавливает так сильно, что руки подкашиваются. Он сам чуть приподнимается, кривится от боли в сломанных рёбрах и вдруг целует меня.

Целует!

Нагло, беспардонно.

Но так страстно, горячо...

Прикрываю глаза, не ведая, что творю.

Это не первый мой поцелуй. Но такой жадный, взрослый, словно выдержанный, как вино...

Ладонь с запястья пропадает. Опускает меня на спину, тут же залезает под кофту. Мурашки от очередного прикосновения осыпают всё тело. А я сама напрягаюсь. Соски твердеют, внизу живота сладко тянет.

А он уже накрывает грудь пальцами, требовательно сжимая её через кружевной лифчик.

Стойте-стойте!

Что он там сказал?

Секс – лучшее лекарство?

Быстро прерываю поцелуй. С неохотой, но в страхе быстро выпрямляюсь.

– Перестаньте, – грубо осекаю.

Чёрт знает, кто его укусил. Но мужчина, снова кривясь и хватаясь за рёбра, вызывает желание помочь.

– Стойте! Вам нельзя делать резких движений.

Привстаю на носочки, одним коленом упираюсь в кровать. И отрывая вторую ногу от пола, подаюсь вперёд, стараюсь дотянуться до регулятора спинки.

Что за дикарь, чёрт!

Внезапно ощущаю стальные руки у себя на талии.

Рывок!

И я уже, тяжело задышав от страха, вновь упираюсь ладонями в спинку кушетки, сидя на мужчине верхом. Ощущения, будто сижу на железе.

Я не знаю, что сказать.

Ярость бурлит в груди, но долбаное желание и притяжение дают отрицательным эмоциям пощёчины.

Возьми себя в руки!

А у него нет границ. Нормы морали. Он хочет тебя использовать, чего ты не позволяла никогда в жизни делать с собой.

Слов нет.

– Я вызову охрану!

– Правда? – опять насмешливо, но в то же время безразлично кидает.

Одним движением хватает мои руки и заводит мне за спину.

Я начинаю думать, что вовсе он и не больной!

Папа нанял его проучить меня за то, что я до сих пор, по его мнению, прохлаждаюсь здесь?

– И завтра же вылетишь отсюда.

Точно от отца!

Да нет, нет! Просто избалованный мужик, который не знает слова «нет».

Как его там зовут?

– Господин Бодров, – чеканю каждое слово, – вы, кажется, сильно ударились и путаете, где эротический сон, а где реальность. Если вы не перестанете, я вколю вам пару кубиков успокоительного.

Не действует!

Вырываюсь, пытаюсь выбраться, но не действует!

Наоборот, делаю ещё хуже. Твёрдая эрекция утыкается мне между ног. Чувствую себя голой, без костюма.

– Позвоню вашим родственникам, – говорю так, словно угрожаю вызвать родителей в школу. – Вы же этого не хотите?

– Номер сначала найди, – подаётся вперёд, оставляя отчётливый след у меня на груди. В том самом прямоугольнике, который не прикрывает форма.

Засос поставил!

– Вы личность известная. Найду. А ещё я вашего брата знаю. Булата, кажется?

Как же мне всё-таки повезло, что я ходила на некоторые

светские тусовки с отцом.

И того мужика – точно помню.

Бодров хмурится, явно не ожидая от меня такого.

– Ты кто такая?

– Я? Ярина. Ваша медсестра.

– Ярина? Необычное имя.

– Да, знаете, для меня этот вечер тоже необычный. Так что – я звоню и волную ваших родственников, а завтра они с утра уже толпятся у вашей палаты?

Он кривится. Отпускает мои руки.

И я с радостью прыгаю с кровати, чуть ли не вылетая из палаты.

Безумный мужчина!

Вспоминаю про капельницу. Быстро ставлю её. И забрав листы с записями осмотров, всё же ретируюсь из комнаты, тяжело дыша.

Останавливаюсь у двери, опираясь на неё спиной. И запускаю пальцы в волосы, тормоша их и приводя себя в чувства.

Это что?.. Мне к нему ещё и завтра с утра идти?..

Глава 3

Захожу уверенно в палату извращенца, держа в руках поднос с едой. И делаю это, кажется, вовремя.

Бодров сидит на краю кровати, надевая больничную кипенно-белого цвета рубашку. Наблюдает за гуляющими в парке людьми. И что там интересного? Всё белое, надоедли-

вое.

– Куда это вы собрались? – с подозрением щурясь, спрашиваю. Отчего-то у меня плохое предчувствие.

Он оборачивается, мажет по мне взглядом и снова устремляет его в окно. Продолжает застёгивать пуговицы, будто меня здесь нет.

– Будем играть в молчанку?

– Я хочу прогуляться.

Прохожу вглубь комнаты, ставлю поднос с едой ему на тумбочку. Параллельно достаю небольшой столик.

Чуть не зеваю, но сдерживаюсь. Хоть и поспала шесть часов, но этот неудобный диван в ординаторской дал о себе знать. И домой не поедешь – мне теперь здесь жить, пока он не выпишется, кажется.

Надо будет сходить чуть попозже в душ.

– Нельзя, – чеканю и, обернувшись, в два шага подхожу к нему. И не знаю, кто меня дёргает, но встаю между мужских сильных бёдер.

Пальцы рефлекторно тянутся к его пуговицам, чтобы раздеть. И мысленно бью себя по лбу и отдёргиваю руки. Он просто переодевается!

– Постельный режим.

Вот бы толкнуть его в плечи, уложить на лопатки!

– Тем более сначала нужно сменить повязку, – киваю на его голову. – Затем поесть.

Указываю в этот раз на поднос с едой.

– А потом вы ляжете в кровать. Вы слишком бездумно действуете и не заботитесь о своём здоровье. У вас сломаны рёбра после аварии. Больно, наверное, даже под обезболивающим?

Рёбра я себе никогда не ломала. Слава богу.

– Больно, – вдруг проговаривает. – Но потерпеть можно.

Пальцы тянутся к его голове, к повязке. Замечаю, как его ладонь тянется к моей талии. Вижу, но ничего не делаю. Хотя могу сделать шаг назад.

Но...

Чем я думаю?

Что он хочет сделать? Обнять? Притянуть меня и снова сказать «секс – лучшее лекарство»?

– Если собираетесь опять домогаться до меня, то я взяла с собой шприц. Вколю вам пару кубиков снотворного. Сон – лучшее лекарство от всех болезней, а не то, что вы думаете.

Ладони его застывают в полёте. И тут же опускаются обратно на колени, пока я разматываю голову мумии.

– Ты слишком дерзкая для медсестры.

Чёрт, да что не так с его голосом? Я млею, как ненормальная.

Стараюсь не смотреть в его лицо. Только сквозь него или на кровь, просочившуюся через бинты. Быстрее разматываю его и легонько кидаю:

– Немного.

– Не боишься увольнения?

– Нет. Я здесь временно. Для меня любой день может быть последним, – улыбаюсь, хотя на задворках души всё горит от несправедливости и обиды. Всю жизнь мечтала стать врачом-хирургом. Но учиться этой специальности нужно долго, усердно, постоянно практиковаться. С моим отцом это невозможно.

Но желание лечить и помогать людям он во мне не убил. Меня вполне устраивает быть медсестрой. Всё равно это ненадолго. Пока папочка не выдаст меня замуж за какого-нибудь ублюдка.

Я вроде в двадцать первом веке живу, но... всё равно не могу строить свою жизнь.

То, что я сейчас здесь, не более чем поблажка. Он разрешил мне развлекаться до тех пор, пока не подыщет мне выгодную для него кандидатуру.

– Больна чем-то? – замечаю по складочкам на лбу, как он хмурится. Они у него выразительные, и... Чёрт, я впервые вижу человека, которому идут эти ничуть не портящие его морщинки.

Откладываю грязные бинты на столик.

– Нет, – приступаю к обработке раны. – Вы бы непристёгнутым больше не ездили.

– Так вышло.

– Ну, ничего. Через неделю выпишут, думаю.

Больше мы не общаемся. Я молча делаю ему перевязку и отчего-то чувствую себя невероятно спокойно. Это по-ду-

рачки, особенно после того, как вчера он предложил мне секс.

Может, потому что он умопомрачительно пахнет?

Наверное, в отличие от меня. Хотя я купалась вчера перед выходом на смену. Но после ординаторской надо бы принять душ. А то мне не по себе.

– Готово, – оповещаю его, закончив перевязку. – Теперь в постель и есть. Потом я сделаю вам обезболивающий укол. Придёт врач и точно скажет о выписке. С рёбрами долго не лежат, всё зависит от тяжести травм. Глядя на вас... Думаю, неделю. Но так как вы ценный гость, ой, пациент, вас могут здесь и подержать подольше. Особенно с головой.

– Завидный пациент?

– Богатый. Таких здесь любят.

– Ты слишком честная.

Пожимаю плечами и пытаюсь аккуратно усадить мужчину на кровать. Чувствую, церемониться с ним не надо, раз он такой живчик. Но отчего-то в этот раз не сопротивляется. Сажаю его в кровати, заранее приподняв спинку. Ставлю столик с тарелками перед ним и проверяю, не забыла ли чего.

Спать хочу ужасно!

– Приятного аппетита, – желаю ему и иду на выход.

– Стой, – доносится в спину. Останавливаюсь. Оборачиваюсь. И в этот раз я не выдерживаю и смотрю в его лицо. Сердце делает быстрое «ту-дум».

Да бред какой-то...

К кардиологу схожу. Сегодня Инна Фёдоровна на смене, должна принять.

– Покорми меня.

А?

Смотрю в серьёзное лицо. В серых глазах – ничего. Ни игривости, ни флирта. Или он тщательно скрывает свои эмоции за толщей льда?

– Это не входит в мои обязанности, – парирую, не собираясь этого делать.

– Твоему больничному комплексу нужно финансирование?

Закусываю губу.

В голове снова всплывают слова Сергея Александровича: «А мы за тебя перед отцом твоим слово замолвим».

Нельзя так делать. Это унижение.

Покормить человека, который не может это сделать из-за ожога рук – да, но когда он в порядке...

А Бодров со мной играет. А я зачем-то вступаю с ним в эту игру.

Поэтому оборачиваюсь, дохожу до его кровати. Ставлю рядом стул.

– Я делаю это не для финансирования.

Хватаю вилку, накалываю кусочек запечённого овоща. У мужчины меню здесь лучше, чем меню всей столовой. Для него отдельная еда. Качественная и более вкусная.

Сама чуть не пускаю слюнки, успев перехватить с утра

только булочку.

– А для чего?

– Любо...

Он перехватывает мою ладонь на полпути, прерывая меня. Сжимает её пальцами, смотрит на меня горящими глазами. И медленно подносит вилку ко рту, запуская в него запечённый кабачок.

– ...пытно, – еле договариваю.

Есть много причин, которые я не озвучиваю.

Первая – мне скучно. Он на сегодня мой главный пациент, и у меня мало палат для обхода.

Вторая... Не буду греха таить, он красив. Да, повелась на внешность и немного хочу узнать, какой он внутри.

Зачем?

Хороший вопрос.

Чтобы сказать сердцу, которое при виде него стучит быстрее прежнего, что в нём нет ничего такого?

– Извините, – расслабляю пальцы, отчего роняю вилку. И пока он в замешательстве – вырываю свою ладонь, подскакиваю со стула. – Вы вполне можете поесть и сами.

И убегаю, стараясь не думать о нём.

Но это невозможно. Через час я возвращаюсь в палату вместе с доктором. Он проводит осмотр, даёт мне указания. Делаю всё на автомате.

А когда заканчиваю и уже ретируюсь, слышу в спину:

– Медсестричка, а ты – останься.

Глава 4

– Что? – любезно, через силу, улыбаюсь, держа в руках карты пациентов, которых мне нужно обойти в ближайшее время.

– Дай мне телефон, – в приказном тоне и манере машет мне рукой, подзывая к себе. – Я свой оставил дома.

Недовольно выпячиваю губки вперёд. Всегда так делаю, когда мне что-то не нравится. Ещё телефон свой ему давать... Но надо же как-то известить родственников, раз он свой номер не даёт.

Но можно было и по-другому попросить!

Но он не просит ведь. Приказывает.

Подхожу к нему, останавливаясь в метре. Чтобы ничего не выкинул. Но шприц со снотворным у меня всё ещё в кармашке, наготове. Использовать я его не собираюсь, но для успокоения души помогает.

Протягиваю свой телефон аккуратно. Не касаясь его пальцами. Я боюсь реакции своего тела на его кожу.

Он принимает его, заходит в быстрый набор и записывает чей-то номер. Прислоняет телефон к уху, а я отхожу, чтобы не подслушивать.

– Это Бодров. Я сейчас в тридцать пятом больничном комплексе. Привези мне планшет, вещи и телефон.

Я не слышу, что говорит собеседник на том конце.

– Тогда купи новый. Брату и родителям о том, что я в больнице, пока не сообщай. Ульяна беременна, не хочу её

тревожить.

Что за Ульяна? Его девушка?

Лёгкие сдавливают, и я... Ревную?

Дикость. Ревновать мужчину, которого знаю меньше суток.

Он меня приворожил что ли?

Машу головой. И в этот момент тихий властный голос, обращается уже ко мне:

– Забери.

Оборачиваюсь, гляжу на протянутую руку и телефон. Возвращаюсь к нему, забираю свою вещь.

– Даже «спасибо» не скажете? – кидаю ему укоризненно. –

Или вы этого слова не знаете?

– Скажи сумму, – на полном серьёзе, прожигая серыми глазами, беспрекословно чеканит. – Я не благодарю словами.

Фыркаю.

– У меня и без вас денег хватает, – разворачиваюсь и иду вон из палаты. Надменный индюк. – Приду через три часа, принесу вам обед. «Спасибо» говорить не надо, это моя работа. Ах, вы же не можете.

Выхожу в коридор, мысленно его проклиная.

Мудак.

И такие муذاки чаще нравятся девчонкам, чем нормальные мужчины.

И жалко, что я девчонка. Потому что даже его поведение не гасит интерес.

Я ухожу с мыслями о том, кто эта Ульяна. И даже работа не помогает мне отвлечься.

Мда... Влипла же, на свою голову.

Мирон

– Ты пунктуальна, – замечаю, смотря на заснеженный парк. Несмотря на это находятся смельчаки, сидящие на лавочках.

За спиной раздаются лёгкие шаги медсестры, с жутко очаровательным голосом:

– Почему?

– Прошло три часа, – взгляд падает на настенные часы. – Ни минутой больше или меньше.

– Ждали меня так сильно, что засекли время? – ехидно раздаётся за спиной. И стук. Принесла поднос с едой. – Обед готов, повелитель.

И опять эта насмешка.

Оборачиваюсь, замечая улыбку. Пытается её спрятать.

– Смешно, – ни дрогнув ни одним мускулом. – Будешь так называть меня в другом месте.

Заслуживаю её взгляда. Враждебного, злобного. Но такой лживый. Показывает свою неприязнь, а на деле флиртует, хоть и неосознанно.

– Обязательно. В ваших фантазиях.

Прикрывает на мгновение глаза. Разворачивается, взмахивая каштанового цвета волосами. Я помню их запах. Вкусный запах цветов.

– Приятного аппетита, – снова говорит мне, но на выходе.

– Останься. Поможешь мне.

Опускает ладонь на ручку двери.

– Опять покормить вас с ложечки? Справитесь сами.

– Нет. Ты плохо перевязала бинты. Спадают.

Эти слова её останавливают. Не смотря на меня, меняет направление, подходит к шкафчику у стены, доставая упаковку с бинтами.

– Садитесь, – указывает на кровать.

Мной ещё столько никто не командовал, как она. Но послушно сажусь на край кровати. Она пять встаёт между моих раздвинутых ног.

Взгляд неосознанно скользит по тонкой фигуре. Ей бы в модели, а не в медсёстры. Выглядит аппетитно. И на мордашку симпатичная. Без косметики, со своими ресницами и не нарисованными бровями. Редко такую встретишь в наше время.

Невольно втягиваю её запах. Всё же цветы. Мимоза? Нарциссы? Не пойму.

– Хватит меня нюхать, – насмешливо произносит, снимая с меня бинты, и откладывая на стальной поднос, постоянно стоящий рядом с кроватью.

– Запрещено?

– Думаю, если я расскажу вашей девушке о вашем поведении, ей не понравится.

– Девушке?

Когда она успела появиться? Во время аварии?

– Жена. Неважно. Я слышала о беременной девушке. По телефону.

Говорит серьёзно, мрачно.

Невольно смеюсь, наклоняя голову вперёд. От любопытного тона в груди всё разгорается. Касаюсь лбом её груди. Мягкая, хорошая. Двойка, как минимум.

Снова поднимаю взгляд на её лицо. В карих светлых глазах обескураженность и всё та же мрачность и недовольство.

А мои руки всё же неосознанно падают на её бёдра.

– Ревнуешь?

– Уберите, – грозно, не в её стиле, бросает. Послушно убираю руки, забавляясь над её реакцией. – У вас опять кровь пошла. Может, перестанете не соблюдать рекомендации врача?

– Ульяна – не моя половинка, – игнорирую её слова, сжимая до боли ладони в кулаки. Она завела неприятную для меня тему. Ульяна – нечто большее. Но в то же время мне никто. – Это девушка моего сводного брата. Беременна она тоже от него. Если тебя интересует.

– А... – приоткрывает свои пухлые губы. И расслабляется.

– Теперь я могу снова взять тебя за бёдра?

– Нет, – снова серьёзна как никогда. Делает перевязку в этот раз намного туже, чем утром. И я так залипаю на её сосредоточенном лице, что не сразу замечаю пятно крови на её форме.

– Не пяльтесь, – опять недовольно звучит.

– Я тебя испачкал, – на всякий случай предупреждаю её.

Опускает взгляд вниз.

– Блин, – ругнувшись, оттягивает голубую рубашку. С утра была розовая. И этот холодный цвет идёт ей больше. – Почему именно сейчас, а? У нас проверка через пятнадцать минут.

– Воспользуйся ванной комнатой, – киваю на закрытую дверь рядом с окном.

Обновление от 02.03

– Можно? – спрашивает, сомневаясь. Взгляд летит то на меня, то на дверь.

– Иди.

Она быстро всё прибирает за собой и убегает в санузел. Закрывается за собой, щёлкая замком.

Дожидаюсь, когда она включит воду. И не знаю, под чем я нахожусь, но иду за ней. С внешней стороны хватаюсь за квадратик с горизонтальной полоской, означающий, что там занято. Обычный декор. Но проворачивается, тихо щёлкая замком.

Обнаружил эту фишку сегодня утром.

Бесполезный замок, который можно открыть с внешней стороны.

Но мне только в плюс.

Чуть приоткрываю пластиковую дверь, впервые в жизни подсматривая за женщиной. Они обычно сами не закрыва-

ются, позволяя насладиться представлением.

Устраивают искусное эротическое шоу.

А здесь всё по-другому.

Запретно и в то же время желанно.

Девчонка уже сняла рубашку, подставила под струю воды.

Взгляд падает на ажурный лифчик без чашечек. Грудь у неё и правда хороша, как и обрисованная резинкой штанов талия. Девчонка худенькая, аккуратная, со светлой кожей, которой снова хочется коснуться.

Открываю дверь шире. Мало. Нужно больше обзора.

Медсестричка не замечает меня, продолжая отстирывать мою кровь со своей рубашки. Два холмика чуть покачиваются в такт агрессивным движениям её ладоней.

Распрямляет рубашку, с опасением поглядывая на отсутствующее пятно.

– Фух, – облегчённо.

– Отстиралось? – спрашиваю насмешливо.

Она пугается, выпускает ткань из рук. Та скользит в раковину, промокая насквозь. А Ярина – кажется, так зовут девчонку – прикрывает тело руками.

– Какого чёрта?! – испуганно и агрессивно кричит.

– Хотел сказать ещё утром, – хмыкаю. – Для удобства гостей поменять бы вам ручку с замком. Дверь открывается с внешней стороны. Меня не устраивает это, как пациента.

– Если не устраивает, чего открываете? – шипит на меня, как кошечка. Миловидное личико кривится.

– Проверял, стоит ли подавать жалобу. Убедился, – киваю. – Очень некрасиво. Не находишь?

– Мудак, – вдруг выпаливает.

Одно слово – и ярость накатывает.

Кулаки сжимаются в карманах белых больничных штанов.

Тут же хочется подойти, схватить за тонкую шейку и придушить.

Со мной никто не позволяет себе так говорить. Даже младший брат, которому я позволяю многое. Кроме оскорблений.

А эта девчонка опускает взгляд вниз и кричит:

– Блин!

Достаёт насквозь промокшую рубашку.

Забавно вышло. И я бы даже улыбнулся, если бы не испорченное настроение.

Я позволял ей пользоваться её длинным языком, выкидывающим всякие колкости. А теперь хочется наказать. Я ей не сверстник, который всё простит.

– Вы хоть понимаете, что натворили?

– Я? – сверлю её безумным взглядом. С трудом пытаюсь сдержаться. – Это ты уронила её в раковину и не выключила воду.

Игнорирует мои слова, продолжая злиться.

– Если я пробегу по коридору в таком виде, как думаете, мне влетит?

– Однозначно, – всё ещё не отрывая взгляда, проговори-

ваю. – А я здесь при чём?

Она издаёт рык, а я не могу отвести взгляда от её соблазнительного тела.

«Хочу», – проносится в голове.

Делаю шаг вперёд. Протягиваю ладонь, желая схватить её за запястье. Притянуть к себе. Посадить на столешницу раковины. Сдёрнуть штаны. И трахнуть.

А она бьёт меня по руке, пролетает мимо.

Что она сделала? Ударила?

Медленно оборачиваюсь, чуть не кидаясь за ней.

От ступора шага не могу сделать.

Пощёчины – были. Но посмевшие ударить меня тут же были наказаны за это. А эта... Ударила меня по ладони?

Оборачиваюсь, наблюдая за тем, как девчонка лезет в шкафчик, доставая оттуда больничный костюм. С утра я переодевался в такой же.

Находит рубашку, накидывает на себя.

Выхожу из ванной, а она уже подлетает к двери, застёгивая на ходу пуговицы.

– Я передам вашу жалобу главному врачу, – цедит сквозь зубы, не оборачиваясь. – Хренового вам аппетита.

И вылетает, хлопая дверью. Оставляет меня в палате одного.

И когда рассеивается этот цветочный аромат её тела и шампуня, остатки хорошего настроения окончательно улетучиваются.

Я снова думаю о том, что произошло вчера. Об отрицательном тесте на отцовство, из-за которого попал в аварию.

Так был взбешён и расстроен, что не заметил тачку на повороте.

И я не вспоминал об этом, забавляясь с весёлой девчонкой.

А теперь она уходит, разозлив меня.

И я снова проваливаюсь во вчерашний вечер, испытывая те же самые эмоции. Ярость, разочарование и пустоту.

Глава 5

С трудом захожу в палату. Не хотела этого делать сегодня – так же, как и вчера. Но этот поддоник обзвонился. Нажимал кнопку вызова медсестры непрерывно.

Вчера я смогла ещё избежать своей участи – уехала домой, чтобы нормально помыться, переодеться и выспаться.

А сегодня опять вышла на смену. И куковать мне здесь до завтрашнего утра...

И его терпеть.

Ну, как сказать... терпеть.

Пересиливать себя.

Потому что я – идиотка. Раз все эти часы без него умудрялась думать о Бодрове.

Во-первых, я была возмущена, что он подсматривал. Возмущена, обескуражена, но... внутри всё трепетало.

Идиотские чувства. Долбаное сердце.

И ему ведь не прикажешь!

Но впервые я встречаю такого мужчину. Напористого, грубого, холодного. И всё это заводит не на шутку.

Вот и сейчас переступаю порог палаты, не зная, что и делать. Нужно быстро всё закончить и бежать делать уколы. Я прервалась неожиданно, по приказу начальства, мне даже пришлось всё бросать.

Не знаю, как так вышло, но я схватила несколько ампул, бросила в карман рубашки. А они настолько важные, что потеряй я или разбей хоть одну – мне капец.

А у меня их три!

И теперь я вся как на иголках, но в предвкушении прохожу вглубь палаты, стараясь не смотреть на красивого наглеца.

Но взгляд всё равно приковывается к пустой постели.

Останавливаюсь неподалёку от двери.

Сбежал, что ли?

– Ты сегодня припозднилась, – звучит над самым ухом. Я вздрагиваю и, взвизгнув, как мышка, вся сжимаюсь. Даже металлический поднос падает на пол. Я его вообще взяла как щит для защиты от него.

И замешкавшись, попадаю в его ловушку.

Ладонь на талии вызывает мириады мурашек. И тянущее чувство в груди.

– Испугалась?

Поднимаю резко взгляд, встречаясь с серо-карими бездушными глазами.

– Я бы на вас посмотрела в этой ситуации...

Мои пальцы уже обхватывают его ладонь в надежде убраться. Опять эта странная реакция. Бесит она меня.

Как и этот взгляд, вызывающий дрожь.

И его губы, шепчущие:

– Вчерашняя девчонка была скучная. И покладистая. Сразу легла ко мне в койку.

– Что?.. – выдыхаю.

Да быть того не может! Вчера на смене была Настя.

По ней не скажешь, что она готова...

Но нет! Не это сейчас важно!

– Вы что, в этой палате?.. – голос на мгновение обрывается. Мало того, что он сделал это в неподходящем месте, так ещё и... с какой-то девушкой.

Ревность пестрит, распускаясь, прямо как павлиний хвост.

– Вы – мерзкий человек, – выдаю, не стесняясь.

А он, резко нахмурившись, отворачивает меня от себя. Делает шаг вперёд, вжимая меня в стену животом. Пальцами впивается в запястья, несильно заламывает мои руки и, впечатав в стену, касается губами уха.

И опять тело реагирует неправильно. Натягивается как тетива, готовая к любой манипуляции мужчины.

Горячий воздух летит на кожу вместе со словами:

– Не беспокойся. Она меня не вставила. Слишком быстро согласилась.

В животе что-то лопается.

Облегчение? Да ну!

Плечи опускаются вниз, а я на мгновение успокаиваюсь.

Снова напрягаюсь, когда понимаю, что что-то мокрое растекается в районе пупка.

Да нет... Не может быть.

Дёргаю руками, а они крепко сцеплены за спиной.

Не прошу меня отпустить. На адреналине наступаю ему на ногу, толкаюсь бёдрами и вырываюсь, когда хватка слабеет от удивления. Как можно быстрее отдаляюсь от него.

Испугано тянусь ладонью к карману. Рубашка влажная...

Смотрю вниз – по форме растекается небольшое пятно. А в кармане хрустят осколки ампул...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.